

Любое совпадение имен и событий этого произведения с реальными именами и событиями является случайным.

Глава 1

В последние месяцы он перестал любить ночь. Он начал ее бояться. В ночное время особенно остро ощущались беспомощность и уязвимость. В наступающей тишине каждый звук, даже самый невинный, был для него предвестником невидимой, но неуклонно надвигающейся опасности. Он гнал от себя эти мысли, но они возвращались снова и снова, и не было от них спасения.

Хотя, казалось бы, чего ему бояться? Никаких ценностей он в доме не хранит, только деньги на расходы. Гонорары в тот же день кладет в банк, каждые десять дней снимая проценты. На проценты и живет. Много ли ему надо, безногому инвалиду? Да и сам он разве нужен кому-нибудь? Чего он боится?

Ответа он не знал. Но все равно боялся. Каждую ночь. И проклинал тот день, когда природа решила одарить его хорошим слухом. Не каким-то сверхъестественным, а просто хорошим. Нормальным. Сколько людей на свете, которые из-за болезней или травм начинают хуже слышать! Ну почему он не такой? Слышал бы чуть-чуть похуже — и спал бы себе спокойно по ночам. Никакие звуки не тревожили бы его. Так нет, ноги теперь не ходят, почки плохо работают, даже зрение ухудшилось, а слух — как у новорожденного. Смеется над ним судьба.

Он повернулся на другой бок, удобнее устраиваясь в мягкой уютной постели. Через неделю у него день рождения. Сорок три стукнет. Много? Мало? Кто знает... С чем он придет к очередному рубежу?

Он — состоятельный человек. Это несомненно.

Двухэтажный кирпичный дом на юге Москвы, в районе коттеджной застройки. Счета в банке.

Он признанный специалист в своей области. Это тоже сомнению не подлежит. Достаточно взглянуть на книжные полки, уставленные его книгами. Его собственные труды по китайской литературе, по японской филологии, а также множество повестей и романов, на титуле которых стоит: «Перевод В.А.Соловьева». Он — уникальный филолог, работающий с двумя сложнейшими языками, японским и китайским.

Он — инвалид, передвигающийся в коляске. На костылях ходить он тоже может, но очень недолго. Из спальни — в ванную. Из кабинета — в туалет. Вот и все. Дом строили специально для него, между этажами — не лестница, а длинный пологий пандус. Хорошо, что к тому времени, как отказали ноги, он уже был достаточно богат. Деньги позволяют избежать многих унижений. И решают все проблемы. Ну, почти все.

У него есть сын. Но можно считать, что его нет. Он молод, ему всего девятнадцать, и ему не нужен отец-инвалид. Даже с деньгами и роскошным домом. Сын прекрасно живет себе в их городской квартире, водит туда девок, устраивает тусовки с выпивкой, наркотой и сексуальными излишествами. С тех пор как погибла Светлана, между сыном и отцом выросла стена. Мальчику было пятнадцать, когда он остался без матери, и все вокруг его жалели и прощали любые выходки. Ребенок получил такую травму, у него психологический шок, вы же понимаете... Надо с ним помягче, надо проявить понимание. Он проявлял понимание до тех пор, пока не увидел совершенно отчетливо, что сын нагло спекулирует их общим горем, считая, что получил индульгенцию на веки вечные. С сыном он теперь не видится.

И еще у него есть жизнь, наполненная работой, которую он любит. Работой, которая приносит доход. И эту жизнь ему придется как-то прожить, хочет он этого или нет. Потому что обрывать свою жизнь до срока он не намерен ни при каких обстоятельствах. Интересно, удастся ли ему когда-нибудь убедить себя в том, что возможность

заниматься любимой работой — это и есть то самое счастье, «о котором так долго говорили большевики»? Когда было здоровье и были любимые женщины, ему казалось, что интересной работы вполне достаточно для того, чтобы быть довольным жизнью, особенно если эта работа приносит весьма неплохой доход. А теперь, когда нет ничего, кроме той самой любимой и доходной работы, он горько тоскует по тем временам, когда ноги его были сильными, мышцы упругими и тренированными, когда рядом были женщины, которых можно было любить, становясь от этого счастливым и делая счастливыми их.

Что делать с днем рождения? Отмечать или нет? Впрочем, что тут отмечать, дата не круглая. Но люди, наверное, придут, и неудобно получится, если он окажется не готовым к их появлению. Великолепная «тройка» из «Шерхана» явится обязательно в полном составе — генеральный директор, коммерческий директор и главный редактор. Эти никогда не забывают его поздравить, у них работа с авторами и переводчиками отлажена, стараются никого не забыть и не обидеть. Кто еще? Коллеги и друзья — китайцы, японцы, переводчики, филологи, литераторы, публицисты. Раньше, в той жизни, когда он был здоров, их собиралось много на его дни рождения, Светлана была прекрасной хозяйкой, гостеприимной, веселой, приветливой, его дом был открыт для всех и любим всеми. После ее смерти он не стал отмечать день рождения, настроение было не то. А к следующему дню рождения он уже был болен. Многолетняя традиция всего за два года умерла, будто ее и не было. Вряд ли кто сейчас соберется приехать. Ну, может, двое-трое явятся, не больше. Любопытно, вспомнит ли сосед? В прошлом году он зашел случайно, кое-какой инструмент попросить, увидел красиво сервированный стол, удивился. Пришлось сказать про день рождения. Сосед вроде даже смутился, пробормотал что-то типа извинений, что ворвался в такой день со своими бытовыми проблемами, однако через час вернулся с нарядной коробкой в руках и открыткой со стихами. Стихи

были по-настоящему хорошими, остроумными, с неожиданными, но очень точными рифмами. Соловьев тогда пригласил его к столу, но к тому времени уже приехали руководители «Шерхана», и сосед, услышав голоса в комнате, заходить не стал, поздравил сердечно и исчез. Интересно, припомнит ли в этом году или отнес подарок, слова сказал и из головы выбросил? Вообще-то он мужик, кажется, симпатичный, можно было бы с ним сойтись поближе, по-соседски.

Надо завтра же сказать Андрею, новому помощнику, чтобы позаботился о приеме гостей, если таковые все-таки будут. Пусть закупит хорошего спиртного и съездит в «Прагу» за готовыми закусками. Продуктами следует запастись такими, которые не пропадут, если некому будет их съесть через неделю. Не придут гости — и не надо, даже обидно не будет. За то время, что Соловьев живет в инвалидном кресле, восприятие жизни сильно у него изменилось. Нельзя обижаться на людей за то, что они избегают общения с калекой. Нельзя требовать, чтобы они приезжали к нему в гости — метро рядом нет, автобусных линий тоже нет, визит к Соловьеву доступен только тем, у кого есть машина. Да и времени эта поездка занимает...

Господи, ну почему же ему так страшно по ночам?

* * *

А юноши все продолжали исчезать. С сентября прошлого года — девять парней в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет. Разумеется, пропадали не только они. Заявлений родственников о том, что сын «ушел и не вернулся», было куда больше. Но эти девяттеро стояли особняком. Из всех других пропавших их выделяло то, что их находили. Но уже мертвыми. И еще одно: все девять юношей были удивительно похожи друг на друга — смуглые, черноволосые, семитского типа, с большими темными глазами. Прямо родные братья. И причина смерти у всех была одна и та же — передозировка наркотиков. По заключению судебных медиков, состояние ануса свидетельствовало о том, что эти юноши вели активную гомосексуальную половую жизнь. В том, что злоупотребляю-

ший наркотиками юноша погибает от передозировки, ничего необычного нет. Случается сплошь и рядом. И то, что наркотики тесно соседствуют с гомосексуальными контактами, тоже часто бывает. Но внешность...

Потом появилась одна тоненькая ниточка, совсем тонюсенькая, и вообще непонятно было, от того ли она клубка. На одном из проспектов, соединяющих центр Москвы с южной окраиной, работник ГАИ пытался остановить голубую «Волгу», превысившую скорость. Водитель по сигналу не остановился, и сержант ГАИ передал сведения о нарушителе на следующий пост. Однако мимо второго поста машина не проследовала. Сержант, внимательно читавший ориентировки и мечтавший о карьере великого сыщика, обратил внимание на то, что в машине вместе с водителем сидел черноволосый паренек, посему поразмышлял немного и сообщил об этом на Петровку. Когда выяснилось, что мимо второго поста голубая «Волга» не проезжала, начали поиски в соответствующем районе Москвы. Машину нашли довольно быстро — она стояла, грустная и неприкаянная, в то время как ее владелец метался по кабинетам УВД Северо-Западного округа с просьбами найти автомобиль, угнанный у него в тот день после обеда. Ближайшим от места обнаружения «Волги» жилым массивом был район коттеджной застройки с романтическим названием «Мечта». Это и было единственной зацепкой в непонятном деле об исчезающих смуглых черноглазых мальчиках. Когда через несколько дней появилось очередное заявление об ушедшем и не вернувшемся сыне, фотографию разыскиваемого показали сержанту ГАИ. Но показали по всем правилам, в числе нескольких других, на которых тоже были изображены темноволосые смуглые юноши.

— Нет, — честно признался сержант после того, как минут пятнадцать вглядывался в снимки, — типаж тот же, а конкретно сказать не могу. Скорость у машины большая была. Хорошо, что у меня зрение отличное, я хоть парнишку углядел, а лицо в деталях, конечно, рассмотреть не успел.

Но эфемерная связь пропадающих мальчиков с коттеджами на юге Москвы была все-таки лучше, чем совсем ничего. И жителей «Мечты» начали отрабатывать. Двадцать двухэтажных кирпичных домиков. Двадцать семей.

Сведения о людях, проживающих в коттеджах, ежедневно стекались на стол к старшему оперуполномоченному уголовного розыска Анастасии Каменской. Ее коллега Коля Селуянов, большой поклонник всяческих наглядных чертежей, планов и карт, сделал специально для нее огромную, во всю стену, схему застройки, под чертёжом каждого коттеджа приклеив конверт, куда, по его замыслу, должны складываться сведения о хозяевах. Насте это показалось разумным, и плод селуяновских трудов она приняла с благодарностью, тут же повесив схему на стену в своем кабинете, прямо напротив стола. Но в результативность разработки этой линии ей верилось слабо.

Основные усилия оперативников были направлены на изучение окружения пропавших юношей. Должно же быть хоть что-то общее между ними! С кем дружили? Чем интересовались? Куда направлялись в тот день, когда ушли и не вернулись? Занимались ли спортом? Вопросов ставилось великое множество, на поиски ответов уходили силы и время, а результат был нулевой. Ни одного пункта, который объединял бы всех пропавших, пока они еще были живы. Ни одного. Кроме внешности. Но какую версию на этом выстроишь?

— Может, это какой-нибудь подпольный публичный дом для гомосексуалистов? — недоумевающе спрашивал Юра Коротков.

— Тогда уж для одного-единственного гомосексуалиста, — отвечала ему Настя. — Пропавшие мальчики все на одно лицо. У разных мужчин должны быть разные вкусы. Блондины, брюнеты, рыженькие, белокожие, смуглые. Но зачем их накачивают наркотиками? Чтобы послушными были? Чтобы сели на иглу и не пытались убежать? Я бы могла это понять, если бы мальчики были разными и предназначались для многих клиентов. Но если все это для одного-единственного человека, то логики не вижу.

Зачем ему столько партнеров? Да еще и одинаковых. Нашел бы одного и любил бы его в полное свое удовольствие.

— Ася, он же сумасшедший, это совершенно очевидно. А ты хочешь какую-то логику.

— Хочу. — Она упрямо мотнула головой. — Потому что у сумасшедших тоже есть логика. Она не такая, как у нас, но она есть.

— И ты думаешь, что этот псих живет в одном из коттеджей «Мечты»?

— Не обязательно. Там может жить его помощник, тот, который подыскивает мальчиков. Хотя ты прав, Юрик, у сумасшедших помощников не бывает. Помощник делает с хозяином вместе одно общее дело и должен хоть в какой-то степени разделять его интересы и участвовать в прибылях.

Она помолчала, старательно заваривая кофе в стакане, размешала ложечкой сахар, достала сигарету. Глубоко затянулась, выпустила дым.

— Или это должен быть очень состоятельный сумасшедший. Который может себе позволить нанять помощника за большие деньги. Если все дело во внешности мальчиков, то он действительно совершенно сумасшедший. Смотри.

Она протянула Короткову график, на котором были отмечены даты исчезновения юношей и даты, когда их находили мертвыми в разных частях города.

— Этот, как ты изволил выразиться, псих находит следующего, когда еще предыдущий жив-здоров. И даже не один. Первый потерпевший пропал в сентябре, умер в декабре, а к этому времени пропали еще трое. Зачем он собирает у себя этот гарем, ты можешь мне объяснить? Я могла бы еще понять, если бы каждый следующий пропадал после того, как умирал предыдущий. Ну нравятся ему смуглые черноволосые мальчики, ну не хотят они заниматься с ним любовью на нормальную голову, надо посадить их на иглу. Приучил к наркотикам, держит возле себя, кладет их в свою постель. Мальчик умер

от передозировки — ищет следующего. Вот в таком раскладе есть логика. А тут?

Она выразительно взмахнула рукой, очертив в воздухе непонятную фигуру.

— Почему они все умирают от передозировки?

— А может, он их специально убивает, — предположил Коротков. — Например, они ему надоедают.

— Ага, надоедают, — подхватила Настя. — И он ищет себе на замену точно такого же. А в чем смысл? Шило на мыло менять. Ладно, допустим, ему перестал нравиться мальчик, который от больших доз наркотиков теряет свою привлекательность. Но ведь следующего он снова сажает на иглу, то есть заранее идет на то, что и этот ему быстро разонравится. Он что же, собирается всю жизнь этих несчастных юношей пропускать через свой конвейер? Одного нашел, привез к себе, через месяц — другого, хотя и предыдущий еще жив и здоров, еще через месяц — третьего. А первых двух куда? Они же тут, никуда не делись. Умрут-то они еще когда... Нет, Юрочка, что-то у нас с тобой не склеивается. Не так это все происходит.

— А как?

— Очень умно, — фыркнула Настя. — Да если б я знала, как это происходит на самом деле, мы бы тут с тобой не сидели, изображая глубокую задумчивость. И вообще, давай перестанем философствовать, займемся будничными делами. Ты принеси мне что-нибудь?

— Ну а как же, — широко улыбнулся Юра. — Очередную порцию биографических сплетен о жильцах комфортабельных коттеджей.

Настя никогда не понимала, как Коротков может работать с обрывочными и беспорядочными записями, при этом умудряясь ничего не напутать. Сама она относилась к информации бережно, как к хрупкой драгоценной вещи, которая при изменении только одной буквы, цифры или запятой меняет свое значение и теряет истинную ценность. Юра оставил на ее столе кучу бумажек — ксерокопии каких-то справок, свидетельств, листки, вырванные из блокнота, с записанными наспех сокращенными словами. Сама Настя была ужасно ленива во всем,

что не касалось работы, она могла подолгу не убираться в квартире, но в информации у нее всегда царил идеальный порядок. Поэтому, повздыхав горестно над сваленными в кучку бумагами, она достала чистые листы и принялась аккуратно и систематизированно записывать вновь поступившие сведения об обитателях «Мечты».

Кто в основном живет в этих дорогих домиках? Конечно же, «новые русские». Для «старых» это не по карману. Но «новые», перебираясь в просторные кирпичные коттеджи, чаще всего оставляли в городских квартирах родителей. Среди двадцати семей нашлись только три, в которых имелись проживающие в «Мечте» бабушки и дедушки, присматривающие за детьми, пока их сыновья и дочери занимались бизнесом в своих офисах. Пожалуй, решила Настя, эти три семьи можно временно исключить, вряд ли мальчиков и юношей привозят в дом, где есть пожилые родственники. Остается семнадцать. Многовато, особенно если учесть, что вообще неизвестно, есть ли какая-то связь между похищением юношей и этими коттеджами. Силы и время уйдут на тщательную отработку всех жильцов, а потом окажется, что все впустую.

Было в этом деле одно обстоятельство, которое серьезно затрудняло работу. О девяти пропавших юношах, чем-то выделяющихся из всей массы «ушедших и не вернувшихся», знали только они, сотрудники отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями управления уголовного розыска ГУВД Москвы. И больше об этом не знала ни одна живая душа, за исключением, конечно, самих преступников. В прошлом году по всей России без вести пропали 58 тысяч человек, в позапрошлом — 48 тысяч, и в столице эта цифра тоже была достаточно велика. Никто не заметил в общей массе пропавших этих девятерых черноволосых темноглазых смуглых мальчиков. Никто, кроме Анастасии Каменской, которая любила работать с информацией и знала, как это делать. Она рассказала о своих подозрениях начальнику, полковнику Гордееву, и тот, выслушав ее, со-

гласился, что тут есть над чем поработать. Но оснований для придания делу официального статуса было маловато. Молодых людей, умерших от передозировки наркотиков, было много. И редко кто из них умирал в своей теплой чистой постели. Зато достаточно часто это случалось там, где обнаружение трупа было нежелательным, и таких покойников старались убрать от места смерти подальше. Их вывозили и бросали на улицах, в парках, в подвалах и подъездах. Сбрасывали в реку. Оставляли за городом. Многие из них были привычными потребителями наркотиков, образ жизни вели соответствующий, по несколько суток, а то и недель, не являясь домой, так что в самой формуле «не жил дома и умер от наркотиков» заключался принцип, охватывающий довольно значительную группу людей. И объединять нескольких человек по признакам внешности никому бы и в голову не пришло. Заикнись Настя об этом следователю, он бы ее на смех поднял. А если бы не поднял, если бы усмотрел основания и возбудил дело по черноволосым смуглым юношам, то это дело и повесили бы на самого Гордеева и его подчиненных. И тогда бы уже начали спрашивать с них результат и требовать отчеты о проделанной работе. Именно поэтому работа велась потихоньку, без огласки. В рамках оперативной разработки по одному-единственному факту: по проверке причастности голубой «Волги» к исчезновению шестнадцатилетнего Димы Виноградова. А все остальное было чистой партизанщиной.

Переписывая начисто новые сведения, Настя задумчиво поглядела на листок, где крупными красными буквами было написано: «Соловьев Владимир Александрович». И ниже:

Год рождения: 1953, 5 апреля.

Место рождения: Москва.

Род занятий: переводчик.

Семейное положение: вдовец.

Совместно с ним проживают: —

Члены семьи, проживающие отдельно: сын, Соловьев Игорь Владимирович, 1976 г. рождения.

5 апреля, в пятницу, у него день рождения. Пожалуй, надо его навестить, подумала Настя. Поздравить, а заодно своими глазами посмотреть на эту коттеджную «Мечту».

* * *

Обсуждение вопросов, связанных с рекламой новых книг, было назначено на одиннадцать утра, но началось, как водится, почти в половине двенадцатого. Просто удивительно, почему люди, работающие в одной организации и сидящие в кабинетах, расположенных на одном этаже, никогда не могут собраться и начать совещание вовремя. Как будто из разных городов съезжаются. А всего-то десять метров пройти от своей комнаты до кабинета генерального директора.

Генеральный директор издательства «Шерхан» Кирилл Есипов, молодой невысокий бородач, любил свое детище и пестовал его со всем присущим ему пылом. Начинал он свою карьеру в качестве редактора крупного издательства и совершенно случайно напал на золотую жилу, на которую и сделал ставку, пойдя на риск и организовав собственную фирму. Этой жилой была литература стран Востока. Отсюда и название — «Шерхан». Кто же не помнит знаменитого тигра, обитающего в индийских джунглях, из сказки Киплинга? Начинал Есипов с серии «Восточный бестселлер», влез в долги, взял кредиты. Первые несколько книг расходились плохо, любителей изысканной восточной прозы в России было не много, но Кирилл твердо верил в свою звезду. Он вовсе не имел намерения прививать российскому читателю любовь к сложной, наполненной непонятными европейцу образами литературе. Он издавал детективы и триллеры и ждал, когда они найдут своего читателя. И дождался. Любители детективной литературы наконец «раскусили» серию и начали с энтузиазмом раскупать книжки, на обложках которых красовался затейливый вензель «ВБ». Вложенные деньги окупились, и Есипов запустил вторую серию — «Любовный роман Востока». Здесь тоже вначале дело буксовало, но Кирилл умел

ждать. Он сумел углядеть то зерно, которое должно было сделать эти книги широко читаемыми. Зерно это называлось «европеизация». Истинно восточными в книгах были только имена авторов и множество экзотических деталей, сильно украшавших произведение. Действие же в основном разворачивалось в Европе и Америке, и значительная часть персонажей была отнюдь не восточного происхождения. Однако на родине авторов такая проза спросом не пользовалась и издательского интереса не вызывала, в Японии и Китае чтители и культивировали традиционную литературу, мало привлекающую невзыскательного современного читателя, выросшего в странах европейской цивилизации. В самом деле, много ли найдется в сегодняшней России людей, способных оценить изысканный образ: «Не удержать слезы, упавшей на щеку, и не забыть мне человека, который показал, что все — лишь горсть песка...»

Издательство «Шерхан» становилось на ноги, и появилась финансовая возможность вкладывать деньги в рекламу. Это стало постоянным камнем преткновения в спорах между Есиповым и коммерческим директором Автаевым, жадно считающим каждую копейку и трясущимся над каждым рублем. Сегодня им предстояло обсудить план рекламной кампании по новой книге из серии «Восточный бестселлер», и Есипов заранее готовился к тому, что придется тратить красноречие в попытках убедить коммерческого директора вложить в это деньги.

— Серия и так достаточно раскрученная, — громко и возмущенно говорил Автаев. — Реализация находится на хорошем уровне, и я не считаю, что нужно заниматься дополнительной рекламой.

Средний уровень реализации означал, что книга со склада издательства продается оптовикам в течение не более четырех месяцев. При хорошей реализации тираж уходил со склада в течение двух месяцев, и это позволяло быстро обернуть вложенные деньги и получить прибыль, минимально страдающую от инфляции.

— Мы должны стремиться к тому, чтобы поднять уровень реализации, — мягко возразил Есипов.

— Это и так произойдет, — упирался Автаев. — Серия

запущена, теперь процесс будет развиваться сам собой. Ты же знаешь, как это происходит во всех издательствах. Первые книги идут плохо, потом все лучше и лучше, совершенно независимо от качества произведения. Это объективный процесс. И зачем тратить деньги на то, что и так случится? Не понимаю.

— Потому что я хочу увеличить тиражи. Если ждать, пока серия раскрутится сама собой, мы должны ограничиваться максимум ста — ста двадцатью тысячами экземпляров. А я хочу, чтобы мы могли уже сейчас печатать тысяч по сто пятьдесят — двести. И иметь гарантию, что они будут проданы.

— Ну конечно, — испуганно взмахнул руками Автаев, — ты вложишь деньги в такой огромный тираж, а вдруг он не разойдется? Никто тебе никаких гарантий не даст.

— Гарантии будут, если мы правильно организуем рекламу. Семен, — обратился Есипов к главному редактору, — ты подобрал отрывки для предварительной публикации?

С главным редактором тоже приходилось спорить, но уже по другим вопросам. Семен неизменно предлагал для опубликования самые выигрышные отрывки, а Есипов каждый раз с этим не соглашался. Он был единственным из всех троих, кто умел смотреть вперед. И Автаев, и главный редактор Семен Воронец думали только о сиюминутной выгоде, все их помыслы были направлены на издание и реализацию каждой конкретной книги. Понятно, что для наиболее успешной реализации одной книги нужно давать в предварительную публикацию самую сильную сцену. Но что же будет дальше? А дальше читатель, который прочтет в газете эту самую эффектную сцену, решит, что и вся книга написана на таком же уровне. Конечно, он будет эту книгу искать, гоняться за ней. Откроет, начнет читать и поймет, что весь остальной текст значительно слабее и вообще книга-то в целом не про то, про что был опубликованный отрывок. Вздохнет, посетует на свою доверчивость и за следующей книгой гоняться уже не будет, какую бы роскошную рекламу этой следующей книге ни делали. Еди-

ножды солгавший, кто тебе поверит? Кирилл Есипов считал, что в предварительную публикацию нужно давать не самую эффектную сцену, а самую интригующую, чтобы прочитавший отрывок человек загорелся желанием узнать, а в чем же там дело и чем все закончится. К сожалению, Семен Воронец находить такие отрывки не умел. Он был напористым и наглым, умел вести переговоры с авторами и переводчиками, но в литературе ничего не понимал и вкуса к ней не имел. Он с завидным постоянством выискивал в готовящейся к изданию рукописи самые «чернушно-клюквенные» куски, которые ни в малейшей степени не являли собой лица всей книги. Любители «чернухи», поверив рекламе, купят книгу и будут разочарованы. А более интеллигентный читатель, тоже поверив этой же рекламе, книгу не купит вообще. Но вбить это в голову патологически тупого Воронца никак не удавалось. Он по-прежнему считал, что гора трупов и море крови — лучшая приманка, тогда как генеральный директор видел в этом качестве интригу, конфликт, тайну. Загадку.

Кроме публикаций в газетах, реклама новых книг давалась в выходящих изданиях, но уже в виде аннотаций, составлять которые должен был все тот же Воронец. Первые опыты показали, что делать это качественно он не может. Ухватить суть интриги, изложить ее сжато, буквально в нескольких словах, добавив таинственности и завлекательности, — это было выше его скромных способностей. Семен пытался поручить это переводчикам, но и их аннотации оказались лишь немногим лучше. В конце концов Есипов посоветовал ему найти человека, который хорошо понимает, что такое рекламная аннотация, и умеет читать рукописи «по диагонали», и заключить с ним трудовое соглашение. Но тут уж скаредный Автаев, что называется, рогом уперся. За что платить?! За то, что можно делать самому? Ни за что!

Есипов быстро пробежал глазами подготовленный Семеном отрывок, который предполагалось опубликовать с двумя продолжениями в популярной ежедневной газете. Типичное не то, с тоской подумал он. Поединок

трех каратистов в темном подземелье, кишашем крысами. Жуть малиновая. Один из них — герой, надо думать — других двоих уложил спать вечным сном, а сам остается в подземелье, из которого выбраться не может, потому что тайну выхода знает только тот, которого он убил. И сидит этот герой в обществе злобных крыс и мучительно ищет выход. Ну кто польстится на такую книгу? Только тот, кто решит, что она вся, с первой до последней страницы, посвящена дракам и крысам в темном подземелье. А много ли таких?

— О чем роман? — спросил он, отодвигая от себя распечатанные с компьютера страницы.

— О японской мафии в Голливуде, — ответил Воронеж.

— Почему этого не видно из отрывка? Где здесь якудза? Где здесь Голливуд? Что мы рекламируем, в конце-то концов?

— Но это самая жуткая сцена, — пояснил Воронеж, искренне не понимая, чего от него хочет генеральный директор.

— О Господи!

Есипов схватился за голову.

— Ну сколько раз я должен тебе объяснять?..

В конце концов Воронеж пообещал подобрать другой отрывок, но Кирилл Есипов ясно видел, что тот так и не понял, что от него требуется. Опять, наверное, принесет ерунду какую-нибудь. Взять бы на его место толкового человека, знающего, с хорошим литературным вкусом.

— Давай аннотации посмотрим, — устало произнес Есипов.

Аннотации тоже были хуже некуда. Делать их Воронеж так и не научился.

— Так больше нельзя, Гриша, — жестко сказал Кирилл, обращаясь к коммерческому директору Автаеву. — Надо искать специалиста и заключать с ним договор. Такая реклама никому не нужна, только во вред себе работаем.

— Да она вообще не нужна, — снова принялся за